

Логиновский С.С.

## ОБРАЗ МИСТИКИ В УЧЕНИИ РЕНЕ ГЕНОНА

*Sergey Loginovsky*

### IMAGE OF MYSTICISM IN RENÉ GUÉNON'S DOCTRINE

*In the paper ideas of René Guénon's mysticism are considered. Guénon divides all «traditional» doctrines into two types: religious and metaphysical. Each has the «practical» component, the way of familiarizing with transcendental reality. For metaphysical doctrines it is «initiation», for religious – mysticism. The distinctive feature of mysticism is a prevalence of sensuality (emotionality). Lack of a method, «fog» and, as a natural result, impossibility of familiarizing with the transcendental is a consequence of it. It is represented that such understanding of mysticism is subjective; it is connected with features of the identity of Guénon that cannot be the basis for objective studying of a phenomenon of mysticism.*

Мистика является феноменом, который всегда вызывал большой интерес. Ее изучают ученые, практикуют и пропагандируют представители религии и эзотерики, ею увлекаются рядовые обыватели. Следствием такого широкого интереса является большое количество публикаций о мистике, среди которых есть как описание тех или иных вариантов мистических доктрин, так и попытки обобщений, попытки создания инвариантной модели мистики. Однако, как верно замечает Т.В. Малевич, хотя «библиография работ, так или иначе посвященных данной проблематике, насчитывает тысячи наименований; каждый год на свет появляется множество публикаций, разрабатываются новые определения и концепции, но до сих пор не удалось прийти даже к подобию согласия в интерпретации “мистического”»<sup>1</sup>. Цель данной статьи – анализ представлений о мистике Рене Генона (1886-1951). Помимо самостоятельной ценности, позволяющей лучше понять этого неординарного мыслителя, анализ его представлений о мистике наглядно демонстрирует зависимость понимания мистики

<sup>1</sup> Малевич Т.В. Теории мистического опыта: историография и перспективы. – М.: ИФРАН, 2014. – С. 3.

от мировоззренческой позиции понимающего и связанную с этим произвольность и субъективизм теорий «мистического».

По мнению Генона, «мистицизм относится исключительно к религиозной... области»<sup>1</sup> и весьма хорошо выражает ее сущность. Само по себе это утверждение может показаться очевидным. Однако для Генона характерно своеобразное понимание религии и, следовательно, мистики. Поэтому для адекватного понимания представлений французского мыслителя о мистике предварительно необходимо познакомиться с его концепцией религии.

Религия, по мнению Генона, есть соединение трех элементов – «догмы, морального закона и культа – или формы богослужения»<sup>2</sup>. «Моральный закон», с точки зрения французского мыслителя, может существовать (и существует) и вне религии, а догма и культ присущи исключительно религии. При этом религией является только то учение, которое соединяет все три указанных элемента.

Подобный подход в целом соответствует общепринятым в науке представлениям о религии, однако, дальнейшие рассуждения Генона уже нельзя отнести к разряду общепринятых. Автор утверждает, что религия не является универсальным феноменом, она существует только в определенном типе культур – культур, связанных с Ветхим Заветом. Другими словами, религиями являются иудаизм, христианство и ислам. Остальные учения, традиционно квалифицируемые как религии (индуизм, даосизм, конфуцианство, синтоизм), Генон таковыми не считает. Причина этого в том, что, по мнению французского мыслителя, только в иудаизме, христианстве и исламе имеются все три элемента (догма, мораль, культ), необходимые для того, чтобы быть религией. Кроме того, для них и только для них характерно наличие «чувственных» (то есть эмоциональных) элементов, смешанных с элементами «интеллектуальными» (то есть рациональными, в широком смысле этого слова). В других учениях всех трех элементов нет, как нет и чувственных элементов, по причине чего они и не являются религиями. Например, в Индии традиционная доктрина «является

<sup>1</sup> Генон Р. Заметки об инициации // Генон Р. Кризис современного мира. – М.: Эксмо, 2008. – С. 149.

<sup>2</sup> Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 35.

чисто интеллектуальной, иными словами метафизической, без малейшей примеси чувственных форм»<sup>1</sup>.

Важно отметить, что для Генона все «чувственное» (эмоциональное) несовершенно, ущербно, «порождает только ошибки, беспорядок и темноту»<sup>2</sup>. Поэтому и религия, содержащая чувственные элементы, несовершенна по сравнению с «чисто интеллектуальными» метафизическими доктринами. Впрочем, оба вида традиционных доктрин есть не более чем вторичные формы существования единственной всецело совершенной примордиальной (изначальной) традиции. В конечном итоге «любая традиция, прямо или косвенно, связана с определенным источником и берет свое начало в единой примордиальной традиции»<sup>3</sup>, и приспосабливается к «различным типам мышления и различным пространственным и временным условиям»<sup>4</sup>. Соответственно, «глядя» с другой стороны, можно сказать, что различные религиозные и метафизические учения, «хотя и непохожи друг на друга, но все же ведут к одной-единственной цели»<sup>5</sup>, к тому, выражением чего является примордиальная традиция.

Подобное мировосприятие характерно для эзотерики, по причине чего учение Генона в целом и его представления о мистике в частности могут быть квалифицированы как эзотерические<sup>6</sup>. Однако, как и во многих других случаях, в понимании мистики этот мыслитель отличается не только от представителей науки и религии, но и от большинства представителей эзотерики.

В соответствии со своей концепцией религии и определением мистики как исключительно религиозного феномена, Генон считает, что отличительной чертой мистики является ее локальность (существование только в рамках религий, коих всего три) и наличие чувственных элементов, обуславливающих ее несовершенство.

<sup>1</sup> Генон Р. Очерки о традиции и метафизике, с. 37.

<sup>2</sup> Генон Р. Восток и Запад. – М.: Беловодье, 2005. – С. 105.

<sup>3</sup> Генон Р. Очерки о традиции и метафизике, с. 71.

<sup>4</sup> Генон Р. Кризис современного мира // Генон Р. Кризис современного мира. – М.: Эксмо, 2008. – С. 38.

<sup>5</sup> Генон Р. Очерки о традиции и метафизике, с. 48.

<sup>6</sup> См. об этом подробнее: Логиновский С.С. Религия и эзотерика в системе взглядов Рене Генона // Материалы VII международной научной конференции «Мистико-эзотерические движения в теории и практике». – Екатеринбург ИСПН УрФУ, 5-7 ноября 2014 г. В печати.

Восприятие мистики как локального, культурно обусловленного феномена, на первый взгляд, позволяет причислить Генона к конструктивистам. Однако в действительности это не так, Генон является эссенциалистом, причем весьма последовательным. Ведь он считает, что не только все мистические учения, не только все религии, но и все традиционные доктрины есть выражение одной реально существующей примордиальной традиции, которая, в свою очередь, есть выражение в нашем мире трансцендентной божественной реальности. Конечно, мистика, как и религия (да и вообще, все вторичные традиции), приспособляясь к особенностям различных культур, содержат условные культурно обусловленные элементы. Но для Генона это не отменяет того, что за этими культурно обусловленными элементами любой традиционной доктрины стоит вечная неизменная всегда самой себе тождественная примордиальная традиция. Для «профанов» (к числу которых, по мнению Генона, относятся все представители современной науки), способных усматривать только внешние, культурно обусловленные формы ее существования, она не видна, что, в частности, и приводит к появлению конструктивистского понимания мистики. Но «истинному эзотерику», каковым Генон считает самого себя, эта скрытая примордиальная традиция явлена во все полноте, возможной для наличного состояния бытия.

Конкретизируя свои представления о мистике, Генон говорит, что у каждого из указанных видов традиционных форм – религии и метафизики – есть своя, так сказать, практическая (опытная, «экспериментальная») составляющая. У метафизики это «инициация» (в геноновском смысле этого слова), а у религии – мистика. В контексте эзотерической доктрины Генона такая квалификация резко ограничивает объем понятия «мистика», сужает число феноменов, которые могут быть означены как мистические. Испытывая недоверие (если не сказать неприязнь) к чувственным (эмоциональным) элементам, он хочет теоретически обосновать возможность существования полностью чуждых «чувственному», совершенных (с его точки зрения) доктрин и обусловленных ими способов связи с сакральным. Строгое различение Геноном религии и метафизики, мистики и инициации является реализацией этого устремления.

Генон признает, что значение слова «мистика» (=«мистицизм») изменялось. Рассмотрением истории этих изменений французский мыслитель не желает заниматься, ограничиваясь замечанием о том, что он использует слово «мистицизм» в том значении, которое стало характерным для него в «настоящее время». Он считает, что это значение сформировалось в течение нескольких последних веков и в настоящее время является единственным актуальным. Использование его в других значениях в настоящее время не представляется возможным: слишком устойчива его ассоциация с определенной, а именно, с «религиозной, т.е. экзотерической областью»<sup>1</sup>.

Подобная терпимость Генона к современному словоупотреблению может показаться странной, ибо в других случаях он бескомпромиссно восстает против такого словоупотребления, настаивая на том, что для мира сегодня характерна фальсификация языка, то есть ситуация, когда слова «применяются к вещам, не имеющим к ним никакого отношения и даже иногда противоположным нормальному значению слова»<sup>2</sup>. Представляется, что истинная причина такой терпимости заключается в том, что современное значение слова «мистика» хорошо согласуется с геноновским пониманием ее как практической составляющей религии, отличительной чертой которой является наличие «чувственных» (эмоциональных) элементов. Это, считает французский мыслитель, влечет за собой ряд неизбежных следствий, имеющих для него большое значение.

По мнению Генона, в нынешнем значении слово «мистика» подразумевает специфическую практику, отличительная черта которой – пассивность субъекта мистического опыта. Это означает, «что в мистическом опыте роль индивида ограничивается простым восприятием того, что предстает перед ним, но сам он при этом в счет не идет»<sup>3</sup>. Французский мыслитель считает, что «в этом таится для него главная опасность, – ведь он открыт, таким образом, всем влияниям, хотя, за редкими исключениями, не имеет необходимой доктринальной подготовки, которая позволила бы ему провести между ними хотя бы мало-мальское различие»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup>Генон Р. Заметки об инициации, с. 149.

<sup>2</sup>Генон Р. Очерки о традиции и метафизике, с. 53.

<sup>3</sup>Генон Р. Заметки об инициации, с. 151.

<sup>4</sup>Там же, с. 151.

Активные и продуманные действия в той же области (области «реализации», связи с трансцендентной реальностью) Генон считает необходимым обозначать не словом «мистика», а словом «инициация». Только в «случае инициации индивидууму принадлежит инициатива “реализации”, которая происходит методично, под строгим и непрерывным контролем, с тем, чтобы естественно завершиться выходом за пределы возможностей самого индивида как такового»<sup>1</sup>. Генон оговаривается, что и в случае инициации одной лишь инициативы индивида недостаточно. Он акцентирует внимание на инициативе субъекта «реализации» лишь для того, чтобы показать, что «именно она составляет исходную точку всякой “реализации” для иницируемого, тогда как у мистика нет ничего подобного даже для того, что отнюдь не выходит за пределы индивидуальных возможностей»<sup>2</sup>.

В результате мистик, по мнению Генона, не способен достичь трансцендентного знания. В случае с мистикой можно говорить «лишь о “феноменах” – видениях и прочем, чувственных манифестациях всякого рода, которые не выводят из области индивидуальных возможностей. Это значит, что опасности иллюзий и нарушения равновесия отнюдь не преодолены и, приобретая здесь разнообразные формы, вовсе не становятся слабее»<sup>3</sup>. Он считает, что в некотором смысле эти опасности даже увеличиваются, причем по причине все той же «пассивности мистика, который... оставляет дверь открытой для любых влияний... Отсюда вытекает также... что мистика почти всегда слишком легко вводит в заблуждение его воображение, порождения которого нередко нельзя отличить от реальных результатов мистического опыта»<sup>4</sup>. По этой причине автор считает, что «не стоит преувеличивать значение “откровений” мистиков, или, по крайней мере, не следует принимать их бесконтрольно»<sup>5</sup>.

Последнее утверждение схоже с осторожным отношением к мистическому опыту у стоящих на страже догматической чистоты

---

<sup>1</sup> Там же, с. 151-152.

<sup>2</sup> Там же, с. 152.

<sup>3</sup> Там же, с. 155.

<sup>4</sup> Там же, с. 156.

<sup>5</sup> Там же, с. 156.

представителей различных религиозных традиций. Но в контексте доктрины Генона это сходство оказывается внешним: здесь эта осторожность обусловлена не опасностью несоответствия тем или иным доктринальным положениям, а гносеологической ущербностью мистики как способа «реализации», способа связи с трансцендентным началом. Согласно Генону, в мистике, как связанной по преимуществу с чувственными элементами, всегда присутствует «смутное и туманное»<sup>1</sup>. Можно даже сказать, что мистика в целом есть смутное и туманное представление о духовной области (в отличие от опирающейся на «метафизику» «инициации»). Для нее характерна не только пассивность, но и «отсутствие метода»<sup>2</sup>. Даже по сравнению с религией мистика более «чувственна» или, что для Генона то же самое, менее «интеллектуальна». Она практически вся основана на чуждом интеллекту чувстве, по причине чего и является смутной и туманной, неспособной породить собственную методологию. Как результат – мистик не способен к полноценной реализации, трансцендентная реальность всегда остается для него трансцендентной. Учитывая же достижимость трансцендентного в ходе «инициатических» практик, несостоятельность мистики как способа «реализации» для Генона становится предельно очевидной.

Впрочем, не желая «сгущать краски», Генон считает необходимым отметить, что «мы никоим образом не намерены ни отрицать ценность мистицизма, о меньшей мере относительную, ни оспаривать место, которое он может законно занимать в некоторых традиционных формах»<sup>3</sup>. Другими словами, Генон считает, что его понимание позволяет и в рамках его системы в целом рассматривать мистицизм как пусть и не лучший, но все же в целом положительный феномен. Представляется, однако, что подобные замечания вряд ли удовлетворят самих мистиков.

Говоря о значении построений Генона для научного понимания мистики, необходимо констатировать высокую степень субъективизма в этих построениях и, как следствие, их незначительную

---

<sup>1</sup> Генон Р. Заметки об инициации, с. 149.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

научную ценность. По сути, Генон отождествляет мистицизм с католической мистикой второго тысячелетия существования христианства (классический пример – Тереза Авильская (1515-1582)). В самом деле, он прямо утверждает, что «мистицизм, в собственном смысле слова, – по сути исключительно западное и специфически христианское явление»<sup>1</sup>, то есть католическое, ибо Генон не видит в протестантизме ничего положительного, а о православии не упоминает. Он считает, что «в строгом смысле слова, как и на деле, не существует иного мистицизма; и даже мистики, которых называют “независимыми”, а мы охотнее назвали бы “отклоняющимися”, в действительности вдохновляются, пусть и безотчетно, христианскими идеями, искаженными и в той или иной степени лишенными их первоначального содержания»<sup>2</sup>. Не случайно, что примером мистики для Генона оказывается католическая мистика, да и то не вся (Игнатий Лойола, по мнению французского мыслителя, являет собой пример «инициации», а не мистики).

Такое отождествление необходимо Генону для доказательства истинности его понимания мистики как феномена предельно «чувственного». В самом деле, наличие ярко выраженной чувственности во многих образцах католической мистики общеизвестный факт. Давая обобщенное описание шестого, предпоследнего этапа молитвы согласно произведению Терезы Авильской «Внутренний замок», исследователь творчества этой католической святой Д. Оменн пишет: «По мере того, как Бог все больше и больше овладевает душой и наполняет ее Своим светом и утешением, человек переживает молитву экстатического соединения, которая являет собой вход в “шестой” покой и введение в “мистическое обручение”. Здесь – на высотах мистической молитвы – как и на высших ступенях молитвы аскетической, попускаются большие искушения и страдания с той лишь разницей, что теперь это мистическое или пассивное очищение. Нередко случается, что на этой ступени молитва сопровождается сверхъестественными мистическими явлениями, такими как: экстазы, восхищенность,

---

<sup>1</sup> Генон Р. Заметки об инициации, с. 150.

<sup>2</sup> Там же.



локуции, видения и т. д.»<sup>1</sup>. Эти «мистические явления», замечает Тереза, иногда весьма «живы и ощутительны»<sup>2</sup>, а переживающий их мистик находится в состоянии эмоционального («чувственного») подъема, испытывает «радость выше всех земных радостей и услад»<sup>3</sup>.

Помимо эмоциональности, здесь содержится и указание на пассивность, которая, по мнению Терезы, предохраняет мистика от лжевидений, происходящих не от Бога, а являющихся продуктом его собственной активности. Некоторые подвижники, пишет она, «поддаются мечтаниям, ... упиваются воображением и мнят, что они видят все, о чем ни помыслят»<sup>4</sup>. Но это лишь самообман, «ведь они сами и составляют образ из того, что представит воображение, а толку потом – никакого... А вот если явление и впрямь с неба, все не так. Здесь душа не думала ничего такого увидеть, и вдруг – это рядом»<sup>5</sup>. На последнем, седьмом этапе, вершине мистического опыта по Терезе, когда Бог соединяет душу «с Собой, она совсем ничего не понимает, ничего не может»<sup>6</sup>. Подобный духовный опыт, как считает Тереза, не является обольщением именно потому, что испытывавшая его монахиня не проявляла активности, «сама она ничего не делала»<sup>7</sup>. Сам Бог «хочет, чтобы мы не принимали в этом большого участия, но только предали Ему свою волю»<sup>8</sup>, эту мысль Тереза повторяет постоянно, для нее она имеет принципиальное значение.

Очевидно, что духовный опыт Терезы Авильской (и подобных ей католических святых – Анджелы, Мехтильды, Гертруды и т. д.) полностью соответствует тому, что Генон называет мистикой. Однако, как признает сам Генон, даже в католической мистике, не говоря уже о других ее вариантах, присутствует множество описаний мистического опыта, лишённого подобной чувственности,

<sup>1</sup>Омэни Д. Христианская духовность в католической традиции. – Рим-Люблин: Издательство Святого Креста, 1994. – С. 249.

<sup>2</sup>Тереза Авильская, св. Внутренний замок или Обители. – Брюссель, 1992. – С. 143.

<sup>3</sup>Там же. С. 57.

<sup>4</sup>Там же. С. 124.

<sup>5</sup>Там же.

<sup>6</sup>Там же. С. 149.

<sup>7</sup>Там же. С. 124.

<sup>8</sup>Там же. С. 60.

пассивности и «туманности». Нежелание французского мыслителя называть этот опыт мистическим, квалификация его как «инициации» не имеет под собой каких-либо объективных оснований. Наличие чувственных элементов и пассивность – это признаки, характерные для мистического опыта не только католических мистиков. Но даже если бы эти признаки были характерны исключительно для католических мистиков, это говорило бы лишь о специфике католической мистики, но не о мистике вообще. Генон не приводит убедительных аргументов, позволяющих воспринимать выделяемые им второстепенные признаки мистики (чувственность и пассивность), как первостепенные, определяющие данное явление в целом.

Традиционно и вполне обосновано главным отличительным признаком мистики считают ощущение непосредственной связи с трансцендентной реальностью, с Абсолютом (в любом его понимании). Для Генона этот признак также важен. Рассмотрение его концепции мистики со стороны этого признака приводит к интересным выводам. С его точки зрения, и мистика, и инициация стремятся достичь трансцендентной реальности. Но удастся это сделать только в рамках инициации, в то время как мистика обречена пребывать в чувственных посюсторонних образах, порожденных самим мистиком. Отождествление мистики с католической мистикой приводит к тому, что для Генона именно католическая мистика оказывается неудачным опытом приобщения к трансцендентной реальности.

Интересно, что в этом завуалированном отрицании католической мистики Генон неожиданно оказывается весьма близок к православным критикам католической духовности. Последние также считают, что «духовная практика Франциска [Ассизского – С.Л.] и его последователей основывается на игре воображения и чувств»<sup>1</sup>, что с их точки зрения является существенным недостатком католической мистики, не позволяет практикующим ее достигать Бога. Как резюмирует А.Ф. Лосев (после пространных цитат из весьма «чувственных» «Откровений» блаженной Анджелы), «это,

---

<sup>1</sup> Бекорюков А., диакон. Франциск Ассизский и католическая святость. – М.: Издание Сретенского монастыря, 2001. – С. 37.

конечно, не молитва и не общение с Богом. Это – очень сильные галлюцинации на почве истерии»<sup>1</sup>. Сказанное не означает, что Генон – православный мыслитель или что православное вероучение подтверждает концепцию французского мыслителя или же, наконец, что Генон подтверждает православное восприятие католической мистики. Это говорит лишь о том, что и православные авторы, и французский эзотерик оценивают католическую мистику с позиции других видов мистического опыта, в рамках которых такие особенности католической мистики, как «чувственность» и «пассивность» являются признаками, указывающими на несовершенство данного мистического опыта.

В других, не менее важных вопросах, позиции православных авторов и Генона не совпадают. В частности, в отличие от Генона, православные авторы не считают католическую мистику тождественной мистике как таковой и, следовательно, не считают подобную чувственность necessarily присущей любой мистике. Представляется, что если бы Генон использовал слово «мистика» в традиционном значении, ему пришлось бы, подобно православным авторам, критиковать католическую мистику открыто, а не завуалировано. Это может быть одной из дополнительных причин оригинального понимания французским мыслителем и мистики, и религии. Во всяком случае, подобное понимание позволяло Генону одновременно с критическими замечаниями (к тому же формально направленными не против католической мистики, а против мистики вообще) сохранять видимость беспристрастности. Указание на «объективный», неизбежный характер несовершенства мистического опыта «сняло вину» с мистиков, можно даже сказать, устраняло ее вовсе, ибо неизбежное не может быть виной. Впрочем, католических авторов подобное «оправдание» по понятным причинам все равно не устраивало.

В конечном итоге и более общее (основополагающее для концепции мистики французского эзотерика) разделение Геноном «традиционных доктрин» на религиозные и метафизические представляется необоснованным и малопродуктивным. Даже если

---

<sup>1</sup> Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – С. 885.

признать правильность рассуждений французского мыслителя о наличии чувственных элементов в авраамических религиях и их полное отсутствие во всех остальных религиях, вряд ли это может служить основанием для выделения двух различных видов «традиционных доктрин». Сам Генон признает, что и религия, и «метафизика» исходят из факта бытия трансцендентного начала и ведут к нему своих сторонников. Именно эти признаки (признание трансцендентной реальности и связь с ней) всегда и были определяющими для определения феномена религии. Отсутствие или наличие (а также процентное содержание) «чувственных» элементов в лучшем случае может служить для выделения видов религии, для создания еще одной классификации религий. Но и в этом случае не ясно, почему этому признаку необходимо придавать такое большое значение при рассмотрении феномена религии (и мистики). Скорее всего, акцентуация Генона на данном признаке отражает особенности его личности, его нелюбовь к «чувственности» (эмоциональности) и приязнь к «интеллектуальным» («бесчувственным», безэмоциональным) формам дискурса. Но личные пристрастия вряд ли могут служить основанием для построения классификаций, претендующих на объективность и общеобязательность.